

УДК 81'38:398.224(=512.37)
DOI 10.25587/s3314-4995-2854-a

Ц. Б. Селеева

Калмыцкий научный центр РАН

РОЛЬ ГИПЕРБОЛ В СОЗДАНИИ ЭПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ СИНЬЦЗЯН-ОЙРАТСКОЙ ВЕРСИИ «ДЖАНГАРА»

Аннотация. Фольклор является выразителем эстетического сознания и народных идеалов, способы и формы выражения которых у каждого народа свои. Героический идеал определяет грандиозность и масштабность образов, внешний облик эпического мира и событий, происходящих в нем. Выражение исторических идеалов в эпосе происходит через осмысление героического прошлого народа, путем эпической идеализации реально-бытового содержания эпоса. Высокие художественные достоинства, героический характер содержания находят свое выражение в поэтическом языке и стиле эпоса «Джангар». Обобщенность и идеализация в эпосе достигается путем фантастической гиперболизации. Прием гиперболизации в эпической поэтике и стилистике является доминирующим и находит воплощение в устойчивых образно-поэтических выражениях. Для осмысления стилистики и образной системы эпического произведения, актуальным, на наш взгляд, является рассмотрение гипербол и приема гиперболизации в контексте основных задач эпики, – идеализации монументальных образов эпического мира и допущения сказочно-фантастических явлений, как реальных. Целью является исследование роли гипербол в создании монументальных эпических образов, предметов и явлений эпической действительности синьцзян-ойратского эпоса «Джангар». Сквозь призму героической гиперболизации осмысляются идеальные образы кочевой державы Бумбы, ее верховного правителя Джангара, прекрасной ставки-дворца, образы богатырей и их подвиги, пространство и время, предметы и атрибуты эпического мира. Гиперболичен образ необозримого кочевого владения Бумбы, а богатство эпических ханов и *сайдов* составляет бесчисленный скот четырех видов. Внуπιтельность дворца подчеркивается описанием многочисленности основных его элементов (окон, опор, колонн). Монументальные образы правителя Джангара и воинов-богатырей, наделенные сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, в идеализированной форме олицетворяют человека героического, воинского века. Использование гипербол в описании богатырского поединка придает особую экспрессию кульминационному моменту эпического повествования. Эпические гиперболы характерны в передаче скорости передвижения героя, в описании быстроты и стремительности действий героя-богатыря в пространстве и во времени.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия, стилистика эпоса, гиперболы, образно-поэтическое выражение, эпический образ, функции гипербол, предметы и атрибуты эпического мира, явления эпической действительности, идеализированная эпическая форма.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР Калмыцкого научного центра РАН «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ государственной регистрации АААА-А19-119011490036-1).

Ts. B. Seleva

The role of hyperbole in creating epic images of the Xinjian-Oirat version of *Jangar*

Abstract. Folklore is an expression of aesthetic consciousness and folk ideals, and each nation has its own ways and forms of expressing them. The heroic ideal determines the grandiosity and scale of images, the appearance of the epic world and the events that take place in it. The expression of historical ideals in the epic takes place

СЕЛЕЕВА Цаган Бадмаевна – к. филол. н., н. с. отдела литературы и фольклора Калмыцкого научного центра Российской академии наук, Элиста, Россия.

E-mail: tsagana007@mail.ru

SELEEVA Tsagan Badmaevna — Candidate of Philological Sciences, Researcher of Department of Literature and Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russia.

E-mail: tsagana007@mail.ru

through the understanding of the heroic past of the people, through the epic idealization of the real-life content of the epic. The high artistic merits and heroic character of the content are expressed in the poetic language and style of the epic *Jangar*. Generalization and idealization in the epic is achieved by fantastic hyperbolization. The technique of hyperbolization in epic poetics and stylistics is dominant and is embodied in stable figurative and poetic expressions. In order to understand the stylistics and image system of an epic work, it is relevant, in our opinion, to consider hyperbole and the technique of hyperbolization in the context of the main tasks of epics-the idealization of monumental images of the epic world and the assumption of fairy-tale and fantastic phenomena as real. The aim is to study the role of hyperboles in the creation of monumental epic images, objects and phenomena of the epic reality of the Xinjiang Oirat epic *Jangar*. Through the prism of heroic hyperbolization, the ideal image of the nomadic power of Bumba, its Supreme ruler Jangar, the beautiful bet-Palace, images of heroes and their exploits, space and time, objects and attributes of the epic world is comprehended. The image of Bumba's vast nomadic domain is hyperbolic, and the wealth of epic khans and saids is countless cattle of four kinds. The impressiveness of the Palace is emphasized by the description of the number of its main elements (windows, pillars, columns). Monumental images of the ruler of Jangar and warriors-heroes, endowed with superhuman strength and military valor, in an idealized form represent a man of heroic, military age. The use of hyperbole in the description of a heroic duel gives a special expression to the climax of the epic narrative. Epic hyperbole is characteristic in the transmission of the speed of movement of the hero, describing the speed and rapidity of the hero's actions in space and time.

Keywords: epic *Jangar*, Xinjian-Oirat version, style of epic, hyperbole, figurative and poetic expression, epic image, functions of hyperbole, objects and attributes of the epic world, phenomena of epic reality, idealized epic form.

Acknowledgements: This article was prepared as part of the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences "The oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions" (No. of state registration AAAA-A19-119011490036-1).

Введение

Фольклор является выразителем эстетического сознания и народных идеалов, способы и формы выражения которых у каждого народа свои. «Эстетическое отношение к действительности выражается в фольклоре не только в чувстве прекрасного, но и в представлениях о возвышенном и героическом, связанным с общественными и патриотическими чувствами масс, с их социальными идеалами» [1, с. 286].

Героический идеал определяет грандиозность и масштабность образов, внешний облик эпического мира и событий, происходящих в нем. «Эпическое произведение всегда величаво, возвышенно, будит высокие благородные чувства, воспитывает твердую героическую волю, не терпит ничего низменного» [2, с. 193]. Монументальный характер эпоса зиждется на отнесенности изображаемого мира к прошлому. «Мир эпопеи – национальное героическое прошлое, мир "начал" и "вершин" национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир "первых" и "лучших"» [3, с. 204].

Выражение исторических идеалов в эпосе происходит через осмысление героического прошлого народа, путем эпической идеализации реально-бытового содержания эпоса. «Действующие лица эпопеи должны быть полными представителями национального духа; но герой преимущественно должен выражать своею личностью всю полноту сил народа, всю поэзию его субстанционального духа» [4, с. 39].

Высокие художественные достоинства, героический характер содержания находят свое выражение в поэтическом языке и стиле эпоса «Джангар». Обобщенность и идеализация достигается путем фантастической гиперболизации, являющейся доминирующей в эпосе.

Основные теоретические аспекты приема гиперболизации монгольского эпоса исследованы Н. Н. Поппе в статье «О гиперболе в эпической поэзии монголов», где дифференцируются числовые гиперболы, гиперболические сравнения и гиперболические описания [5]. Художественные особенности гипербол в калмыцком героическом эпосе «Джангар» рассмотрены джангароведами Н. Ц. Биткеевым и Н. Б. Пюрвеевой. Н. Ц. Биткеев отмечает роль гипербол в обрисовке образов положительных и отрицательных героев. Гиперболы наделяют героев-богатырей необыкновенной физической силой и выдающимися воинскими способностями, возвеличивают их подвиги, противопоставляют богатырей врагам, вместе с тем позволяют создать такие об-

разы вражеских богатырей, победа над которыми дается ценой огромных усилий. Гиперболическое изображение природы также выступает в качестве яркой детали, участвующей в создании художественного образа богатыря [6, с. 140]. С героическим характером жанра, по мнению Н. Б. Пюрвеевой, связана специфическая черта стиля эпоса «Джангар» – гиперболичность изображаемого. Сказитель возвеличивает богатыря не только за его героические дела, но и за его качества: ловкость, мужество, физическую и моральную стойкость, непоколебимый воинский дух [7, с. 130]. Сюжетика эпоса пронизана стремлением воплотить торжественную патетику такого великого события, которое заслуживало бы остаться в памяти народа. Певцы «Джангара», чтобы усилить впечатление, прибегали к гиперболическому представлению описываемых предметов и явлений, поэтому прием гиперболизации является в эпическом повествовании постоянным [7, с. 129]. Особенности гипербол в поэтике и стилистике национальных эпосов исследованы современными фольклористами [8-11].

Целью настоящей статьи является исследование роли гипербол в создании основных образов героев и антагонистов, предметов и явлений эпического мира синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Данный подход позволяет наглядно увидеть, как сквозь призму героической гиперболизации осмысляются и создаются идеальные, монументальные образы эпического мира. Новизна исследования обусловлена соотношением с основными задачами эпики – идеализацией в создании монументальных героических образов эпического мира и допущением сказочно-фантастических явлений как реальных.

Эпос «Джангар», восходящий к центральноазиатской эпической общности, некогда сформировавшийся и бытовавший в единой этнической среде, со временем обрел самобытные черты и этнолокальные особенности в рамках сложившихся локальных эпических традиций – калмыцкой и синьцзян-ойратской. Введение в научный оборот с 1980-х гг. новых синьцзян-ойратских текстов свидетельствует о существовании самобытной традиции, включающей семьдесят полнотекстовых глав, без которых невозможны современные джангароведческие исследования. Материалом исследования послужили примеры сравнений из глав синьцзян-ойратской версии «Джангара» (приводим с указанием сказителей): «О женитьбе Бёке Мёнген Шигширге» (К. Пюрвя), «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом» (П. Рампил), «О битве Алого Хонгора Благородного с сыном Кюрюл Замбал-хана» (Пюрбюджаб), «О том, как малолетний Алый Хонгор искал старшего дядю» (Пюрбюджаб), «О Хара Тевегте» (Пунджиг), «О том, как богатырь Джангара Батхан одержал победу над Эргю Йовун Уланом» (Т. Ния), «О том, как малолетний Алый Хонгор, одержав победу над Хянгил Хавхыгом, привез его шлем» (А. Овла), «О победе львopodobного Алого Хонгора Благородного над Хара Кюкел-ханом» (Б. Босхомджи), «О том, как Бамин Алый Хонгор одержал верх над Свирепым Доронгин Хара-мангасом¹» (Ц. Харцха), «О битве Увджин Алого Хонгора с ханом Геленг Замбалом» (Ц. Харцха), «О победе трех богатырей Увджин Алого Хонгора, Одинокого Эр Эмлсца, Тёмр Бюса над тремя братьями Боро Мангна» (Ц. Харцха), «О том, как львopodobный Алый Хонгор Благородный одержал победу над Свирепым Хара Сёнкягом» (Д. Дуданр).

Образ эпической державы

Центральная идея «Джангара» заключена в воспевании и прославлении величественно-идеального государства Бумбы и его правителя Джангар-хана. В образе кочевой державы Бумбы воплотилась мечта народных мыслителей о счастливом и справедливом обществе, сплоченном в единый народ. Во главе государства стоит идеальный правитель Джангар – справедливый владыка, мудрец и воин.

Эпическая держава владыки Джангара – мечта человеческих желаний, страна благоденствия, исполненная роскоши и изобилия. В славной стране *Ара Бумбе*² нет зим, вечное лето там, там весной по-осеннему слегка моросит благоуханный дождь и дует свежий ветер. В вечном спокойствии и благоденствии пребывает там бессмертный народ, животные там не знают линьки и упитаны.

¹ Мифическое хтоническое существо.

² Северная Священная страна (по всей вероятности, связано с буддийскими представлениями о мифической стране Северной Шамбале); *букв.: ар* – «север»; *возм. бумб* – «куполообразная часть буддийской ступы (субургана)», «священный сосуд».

Гиперболичен образ необозримого кочевого владения Бумбы, раскинувшегося на огромном пространстве, измеряемом пятью месяцами пути, включающим пять миллионов подданных:

*Тоһс Алтан барун сууд,
Бумб далан цутхлцд,
Тавн сара һазрт нутгелсн*

*Тавн сай алвтта
Өнчн богд нойн Жаңһр хаани* [12, с. 245].

На правом склоне Тогос Алтая,
Бумбы-океана в устье,
На расстоянии пяти месяцев пути
раскинувшемся,
Пятимиллионным кочевьем владеющий,
Одинокий *богдо*¹ *нойн*² Джангар-хан
[пер. наш].

Богатство эпических ханов и *сайдов*³ составляет скот четырех видов – бесчисленные стада овец, быков и верблюдов заполняют кочевые просторы, а многомиллиардный табун прекрасных скакунов-*аранзалов*⁴ настолько велик, что наблюдать за ним можно с утра до вечера:

*Көдәһәр дүүрң
Көк маңхн темәтә,
Хулстар дүүрң
Хо улан үкртә,
Түңгтин экар дүүрч
Түм түмәр тасргсн хөөтә...* [12, с. 233].

*Нарн дор бәэгсн
Найн жува адуни <...>
Өрүни улан нарила
Эклн цувгсн адуни,
Асхни улан нарила
Адгни һарад бәәв гинә* [12, с. 36].

Степи полны
Серо-сизых верблюдов,
Заросли камышей полны
Светло-рыжих коров,
Луга травяные полны
Разбредшими, по десять тысяч, стадами
овец... [пер. наш].

Под солнцем [пасущийся]
Восьмидесятимиллиардный табун <...>,
С утренним красным солнцем
Начавший идти табун,
С вечерним красным солнцем
Конец его завиднелся, говорят [пер. наш].

В традиции монголов-кочевников домашний скот воспринимался как благо, добро, богатство, залог беспечальной и сытой жизни.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов: «В героических повествованиях народов Центральной Азии бесчисленные стада и табуны составляют богатства героев, их описание передает идею безбедного существования, их исчезновение свидетельствует о несчастье, их угон входит в ядро эпического конфликта, а их возвращение означает восстановление гармонического миропорядка» [13, с. 40].

Образ эпического дворца

Для вселенского правителя Джангара у правого склона Тогос Алтая, на берегу океанов Шар-ту и Бумбы, возводится высотой до небес неопикуемой красоты и пышности десятизрусный, девятицветный золотой дворец. Внушительность дворца подчеркивается описанием многочисленности основных его элементов (окон, опор, колонн):

*[Жаңһрин бәәшн]
Жирклңгин
Жирн зурһн терзтә,
Жиндманин далн хойр цондгта,
Тәклһни долан мицһн бахнта...*
[12, с. 234].

[Дворец Джангара]
С переливающимися
Шестидесятью шестью окнами,
Волшебными шестьюдесятью опорами,
Священными семью тысячами колоннами
[пер. наш].

¹ Святейший.

² Наследственный владетель, правитель рода.

³ Знать, сановники.

⁴ Волшебный богатырский конь.

При этом жилище правителя кочевой Бумбайской державы иногда имеет вид не дворца, а ханской ставки-юрты – с сорока четырьмя решетчатыми стенками-*тэрэмами*¹ и четырьмя тысячами жердями-*унинами*².

Образ эпического пира

Эпический дворец – центр мироздания, в котором конструируется и воспроизводится эпический миропорядок. Правитель Джангар с двенадцатью главенствующими богатырями в прекрасном своем дворце, создав восемь тысяч *вепрей-бодонгов* и народ Бумбы, составив семь кругов в изобилии *арзы*³ из молока диких кобылиц, за крепкой *арзой* из молока хангайских кобылиц устраивают пиры, длительность которых достигает шестидесяти и восьмидесяти дней:

*Нээрин икд
Най хонад,
Жирхлин икд
Жир хонад <...>*

Наадн нээрлэд бээв гинэ [12, с. 45].

В больших пирах
Восемьдесят дней проводя,
В увеселениях
Шестидесять дней проводя,
Празднуя, пировали, говорят [пер. наш].

Масштабной рисуется картина подготовки эпического пира: «Тринадцать *вепрей-бодонгов* Ширки-хана с шумом возвратились домой. Замесили тесто величиной с гору, накрошили мясо маралов, развели огонь, поставили чан, серебряной и золотой бадьями набрали воду из океана. <...> Ударили в барабаны и созвали народ кочевья на пир. В большой барабан забили и созвали большое кочевье, звуками среднего барабана созвали среднее кочевье, звуками малого барабана созвали малое кочевье. Обязали не самых состоятельных богачей доставить по десять бурдюков *арзы*, главных богачей обязали доставить тридцать бурдюков *арзы*. Из пятидесятипятiletних верблюдов привели триста восемьдесят пять бледно-желтых верблюдов, навьючили *аракун*⁴ и *арзу* и доставили во дворец Ширки» [14, с. 59].

В стране Бумбе беспрерывно шумят пиры, безбрежными реками разливается *арза* из молока диких степных кобылиц, играют мелодии *цура*⁵, народ распевает песни и танцует под звуки *товшура*⁶. Во время пира предстает картина пышного великолепия феодального властителя-самодержавца, – Джангар-хан, словно солнце, воссияв, восседает на золотом престоле, исполненный счастья и благоденствия. Совместные пиры Джангара с богатырями воплощают сложившиеся формы социальных отношений между ханом-правителем и его вассалами и ритуальное действо, обеспечивающее благополучие рода и племени. «Идеальный эпический социум именно здесь, в зале для пиров, обретает материальные, вещественные формы. Его замкнутость, этикетность соответствуют замкнутости и завершенной оформленности героического мира» [15, с. 167-168].

Образ эпического правителя

Все эпическое действо сосредоточено вокруг главного героя Джангара – держателя ханской власти, главы государства и народа, мудрого правителя страны Бумбы. «Подобно Гесеру, Джангар, совмещает в себе отдельные черты “культурного героя” <...> и вселенского государя» [13, с. 235]. Рождение Джангара приурочивается к мифическому времени первотворения: «Родился он в драгоценное начальное время, когда зарождалась вера в *бурханов*⁷, когда воды внешнего океана бурлили с внешней стороны, когда волшебное сандаловое дерево было молодым. Родился он с особой приметой – с выпуклым масляным темно-красным пятном на правой лопатке, размером со ступню двухгодовалого верблюжонка, означавшего, что он наделен властью и харизмой от Небесного Владыки, рожден с благословением от хана Тенгрия» [14, с. 123].

¹ Стенная решетка кибитки, юрты.

² Жерди юрты.

³ Крепкая молочная водка двойной перегонки.

⁴ Молочная водка.

⁵ Свирель, дудка.

⁶ Национальный музыкальный трех-четырёхструнный щипковый инструмент.

⁷ Божества добуддийского и буддийского происхождения.

Согласно эпическому повествованию, Джангар – потомок Тякил Зула-хана, внук Тангсак Бумбы-хана, сын славного Узюнг-хана, в своем поколении одинокий сирота. Во времена, когда конь его *Аранзал Зеерде*¹ был двухлетним, а сам он был в расцвете молодости, из коней самых резвых собрал, из львов-богатырей самых сильных собрал, четырех сторон света сорок девять ханов к стремени преклонил, в дальних землях славное имя свое прославил. Образовал страну Бумбу, исполненную счастья и благоденствия, став властелином пятимиллионного кочевья властелина Ширки, собрав лучших скакунов и самых сильных богатырей, возвел золотой дворец:

*Богд нойн Жаңһр хаани
Теңгрин однас олн алектта,
Һазрин өвснәс олн малта
Өргн ик нутғни [12, с. 116].*

*Богдо нойон Джангар-хана
Широко раскинувшееся кочевье –
Подданных больше, чем звезд на небе,
Скота больше, чем растущей на земле
травы [пер. наш].*

Джангар не только хан-правитель государства, но и полководец, объединяющий многочисленную богатырскую дружину и войско численностью в миллион вепрей-*бодонгов*:

*Өнчн нойн богд Жаңһрин
Сай түмн бодңгуд [12, с. 234].*

*Сироты нойона богдо Джангара
Миллион тюменов² вепрей-бодонгов
[пер. наш].*

Джангар выступает в блеске славы и в сверкании доспехов, бесстрашно сражается с несметными полчищами врагов. Согласно исследованию, «героический эпос видит меру человеческого в образе идеального витязя, богатыря, наделенного мужеством, доблестью, физической силой, защитника своих родичей, народа и родины, который в единоборстве побеждает чудовищного врага-насильника или один уничтожает несметные полчища иноплеменных захватчиков» [16, с. 125]. Своим двенадцатисаженным желто-пестрым искусным мечом взмахнув, Джангар разом уничтожает владения грозного *мангаса* и вражескую нечисть десяти сторон. Как-то он вступает в поединок с могучим противником, длившийся семьдесят лет: «Когда [Джангар] ехал завоевывать всех живущих под солнцем, повстречался с могучим Кюрел Замбал-ханом и вступил в поединок, длившийся семьдесят лет, вступил в схватку, длившуюся восемьдесят лет. Не сумев друг друга одолеть, побратались и поклялись они, чтобы в сражении оказывать помощь, в трудное время оказывать поддержку» [14, с. 397].

Образы эпических богатырей

В центре эпических событий герой Джангар в гиперболически-гротескной форме воплощает народный идеал храброго, мужественного, благородного, справедливого и непобедимого воина-правителя. Под стать ему двенадцать главных *сайдов*-богатырей – это родовитая знать, первые советчики *богдо*, его военачальники, вассалы и побратимы, воплощающие лучшие черты национального характера. Они выражают высокие идеи служения народу и родной державе.

Кроме обычных для всех богатырей боевых качеств, каждый эпический герой наделен особыми, только ему присущими чертами. Богатырь Алтан-Чээджи, главный советник правителя Джангара, изображается человеком мудрым и прозорливым, наделенным даром предвидения, ведающим о событиях девяностодевятiletней давности и предугадывающим события ближайших девяносто девяти лет:

*Өңгрсн йирн йисн җилә юмиг
Өмнәс әгәлдә,

Ирдә йирн йисн җилә юмиг
Өмнәс әгәлдә
Алти Чееҗ баавни... [12, с. 195].*

*Ведающий
О событиях прошедших девяносто девяти
лет,
Предсказывающий
События грядущих девяносто девяти лет
Алтан Чээджи баава³... [пер. наш].*

¹ Рыжко.

² Десятитысячное войско.

³ Почтительное обращение к старшим по возрасту.

Ум, мудрость, прозорливость в эпосе возводятся в ранг высшей человеческой добродетели, в основе чего лежит древнее представление о знании как о магической силе. «Фантастическое, чудесное в эпосе выражается как в персонажах (героях и противниках) <...>, так и в мотивах волшебства, магии, неизменно воздействующих на события и на поведение людей. Сюда же относятся чудесные предсказания, предупреждения, угрозы и запреты» [17, с. 58]. Так, герой Хонгор обладает волшебным свойством перевоплощений и владеет девяносто девятью магическими *сидхами*¹:

Отхн Улан Хоңһр
Йирн йисн сидән
Делгү тэвэд оркв гинэ [12, с. 49].

Отхон Улан Хонгор
Девяносто девять *сидх* своих
Пустил в ход, говорят [пер. наш].

Алый Хонгор Благородный наделен не сравнимой ни с кем храбростью, он – «разящий меч Джангара, гроза его врагов, щит и оплот державы». Его характеризует преданность Джангархану и беззаветное служение Бумбе. Идеальны его нравственные качества, внешняя сила и красота. Он воплощает в себе положительные качества героев рода – исполнен достоинств и доблестей, включавших в себя все совершенные качества: благородство, независимый характер, силу воли, необыкновенную титаническую силу, ловкость, выносливость и бесстрашие:

[Арг Улан Хоңһр]
Авад, ачад цокхларн,

Цеңкр цаһан хадд
Кев ортлнн цокад... [12, с. 362].

[Благородный Алый Хонгор]
Схватил, перекидывая через спину, бил
[противника] так,
Что на светлых скалах
Образовалась вмятина... [пер. наш].

О богатырской силе и мощи Хонгора говорят его многочисленные героические поступки. Один из них – это попытка разрушить вражескую гору, являющуюся сакральным центром, ее уничтожение равноценно завоеванию страны:

Отхн Улан Хоңһр
Баһ Йондн уулыг өшклэд татхла,
Балв татад авад йовб.
<...> Иигэд уул холыг
Эвдртл татад бэгл,
Күнд хар амһлэһни тасрад,
Нег судундан торад бээв гинэ [12, с. 40].

Отхон Улан Хонгор
Малую гору Йондон, подперев, потянул,
Разрушая, потащил.
<...> Так гору
Тащил, пока она не стала рушиться,
Тяжелый черный аркан порвался,
И держался на одной жиле, говорят
[пер. наш].

Хонгор обладает мужеством, проявляя презрение к смерти и непримиримость к врагу, глубоко чтит заветы дружбы. Он довольно часто приходит на помощь и выручку богатырям-соратникам. В одном из сюжетов спасает богатыря Салькин Тавага, заточенного во вражеском плену: «Хонгор закричал так, что деревья окраин пригнулись, *Замбутив*² задрожал, показалось, что разрушилась гора и расплескалась вода. Услышав Хонгора, в богатыре Салькин Таваге пробудилась величайшая мощь, что у него была в двадцатипятилетнем возрасте, в божественном Зеерде коне пробудилась сила, что у него была в двадцатипятилетнем возрасте, удерживающую их железную башню разрушили и выбежали» [14, с. 404]. А затем Хонгор с Салькин Тавагом вступают в схватку, не проливая крови, уничтожают тьму вражеского войска Кюрел Замбалхана, подобное муравьиному рою.

¹ Волшебные способности.

² В буддийской космологии образ «внешнего океана» или «внешнего гигантского моря» представлен четырьмя морями, омывающими материк Замбутив, южного, обитаемого людьми континента, являющегося в эпосе центром мира.

Физическая мощь Хонгора выражается через преодоление им больших пространств и гор:

[Увэжин Улан Хонһр]
Дөчн уулын ораг
Дөмн ишкн гүүлгэд,
Найн уулын ораг
Негхн ишкн гүүлгэд [12, с. 273].

[Увджин Улан Хонгор],
Вершины сорока гор
В полшага перешагивая, мчался,
Вершины восьмидесяти гор
Одним шагом перешагивая, мчался
[пер. наш].

Богатыри Джангара воплощают в себе народные представления об идеальном герое. Эпос рисует типический образ героя-богатыря, отличающегося неимоверной энергией и смелостью, отвагой и решимостью, физической силой и ловкостью:

Даларн далн тавн тоха төргсн,
Давсгинэн экэр найн тавн тоха төргсн,
Дал хоорндан
Далн хан һарудин
Ид чидл бэрлдн төргсн,
Тиим сүркэ күмн гижэ келдг билэ.

Хойр һарин һууртни
Хөрн хан һарудин
Ид чидл бүрлдн төргсн,
Тиим сүркэ күмн гижэ келдг билэ.

<...> Арвн цаһан хурһндни
Арвн арслэгин күчн бүрлдн төргсн,
Тиим баатр күмн гижэ келдг билэ
[12, с. 231].

Рожден с лопатками, что шириной в
семьдесят пять локтей,
Рожден с бедрами, что шириной в
восемьдесят пять локтей,
Меж лопаток
С силой
Семидесяти хан-гаруди¹ [птиц] рожден,
Такой исключительный человек был,
говорили.
В кистях обеих рук
Рожден с силой
Двадцати хан-гаруди [птиц],
Такой исключительный человек был,
говорили.
<...> В десяти белых пальцах его
Рожден с силой десяти львов,
Такой богатырь был, говорили [пер. наш].

Эпическая этика выражает примат телесности, естественности и физического совершенства богатырей. Они даже едят не так, как простые смертные, – зажаривают целого марала и съедают, или за раз поглощают мясо семидесяти кобылиц, крупные кости через рот выплевывая, мелкие кости через щеки вывода. Выпивают десятками чаш *арзу*, демонстрируя при этом богатырскую мощь и удаль:

Арзин амттаһасни
Далн күмн дамжэлдэ
Даңгин шар ааһар
Дараһар далн ааһ ууһад... [12, с. 60].

Вкусной арзы,
Что под силу поднять семидесяти
человекам,
В один прием желтой чашей
Подряд семьдесят чаш выпил...
[пер. наш].

Эпический поединок

«Переполнение героя боевой энергией ведет к поискам встреч с богатырями, с которыми можно было бы помериться силами» [18, с. 341]. Центральным эпическим событием является встреча персонажей, представляющих противоположные части (сферы) эпического мира, поединок древней эпике [19, с. 232]. Использование гипербола в описании богатырского поединка придает особую экспрессию кульминационному моменту эпического повествования:

¹ Мифическая чудесная птица, владыка птиц.

*Хөөт сарин нүүриг үзн ноолдад,
Уул хадта хазриг
Говь нууц болтлн ноолдад,
Кеду-яду сар болад
Кен-кенэн ядлцад бээж гинэ [12, с. 298].*

Лик наступившего месяца увидев,
дрались,
Дрались, что гористая и скалистая
местность
Равниной стала,
Неизвестно сколько месяцев прошло,
Один другого не мог одолеть, говорят
[пер. наш].

В эпическом поединке демонстрируются физические качества богатырей – зоркость глаз и меткость в стрельбе, выносливость, сила и ловкость рук:

*Хонгин хазр эргэд,
Хөөни чинэн чолунар цоклдад,
Үдэ хазрар эргэд,
Үкрин чинэн чолунар цоклдад,
Бөх цохан үзлцэд,
Бэргсн хазрасн
Бэрм-бэрм мах авч хаяд,
Кеду-яду хонжс
Кен кенэн унһаж ядад бээхлэ,
Деегүр нисгсн живртн,
Дораһур гүүгсн аратн күртл
Эдн хойрин махнас идэд,
Цадад йовад бээж гинэ [12, с. 243].*

Кружили на расстоянии суток,
Бились камнями размером с барана,
Кружили на расстоянии полудня,
Бились камнями размером с корову.
Сноровкой борцов мерились,
Хватали друг друга,
Куски-куски мяса срывали.
Неизвестно сколько дней прошло,
Один другого не мог одолеть,
Летавшие сверху пернатые
И даже бегающие по низу лисы
Мясо этих двух ели,
И наедались, говорят [пер. наш].

Мелкие племенные распри и столкновения приобретают в устах рассказчика «мировые» масштабы, разрастаются в события, определяющие судьбы народов. «Человек в нем велик сам, а не за чужой счет, он сам высок и силен, он один может победно отражать целое вражеское войско» [3, с. 79]. Основу героического действия составляет конфликт крупного масштаба, во-влекающий судьбы целых племен:

*Арвн хойр баатр,
Арвн түмн бодңиг
Хойр талан селжс чавчад... [12, с. 294].*

Двенадцать богатырей
Сто тысяч вепрей-бодонгов
По двум сторонам рубили... [пер. наш].

Образ эпического противника

В противоположность идеализированному изображению силы и красоты положительного героя-богатыря, отрицательные персонажи в эпосе изображаются в чудовищном облике. Они коварны, вероломны, алчны и низменны. В архаизированных сюжетах это *мангас* – огромное многоголовое существо, людоед, разоритель родины героя:

*Ора деерэн
Ор һагцхн нүдтэ,
Йири тави толһата
Йидр хар маңһс
Иржс йовдг жиг [12, с. 193].*

С одним единственным глазом
На макушке,
Девяностопятиголовый,
Могучий черный *мангас*
Приближался [пер. наш].

Одним из отличительных признаков *мангаса* является множество голов. «Эти головы, как правило, не равнозначны, среди них выделяется одна – “главная”, “большая”, жизненно важная, а остальные являются “второстепенными”, “дополнительными”. Это происходит, поскольку

лишь одна из множества голов заключает в себе “жизненную силу”, или, что для эпического сюжета практически равнозначно, “душу” чудовища» [13, с. 121-122].

Равенство или превосходство силы и мощи противника может быть дано через гиперболизированное изображение стражи-войска хана-антагониста:

*[Хар Күкл хаани
Хар күрл бэгшц]
Үүни хазахурни эргэд,
Нэгмн түмн церг,
Дотрахурни эргэд,
Долан түмн церг
Давхр давхр бүслгсн бэгнэ* [12, с. 220].

[Хара Кюкел хана
Черный бронзовый дворец]
С внешней стороны окружен
Восьмидесятитысячным войском,
С внутренней стороны окружен
Семидесятитысячным войском,
Дважды опоясан [пер. наш].

Наряду с мифологическим *мангасом* в синьцзян-ойратской традиции бытуют сюжеты об антагонисте в облике иноземного хана. В некоторых случаях по силе и мощи он превосходит Джангара и его богатырей, а богатыри его обладают сверхъестественной силой: «Говорят, что на расстоянии девяносто девяти лет пути от кочевий владыки богдо Джангара обитает могучий Кюрел-Замбал-хан, с восемью тысячами богатырями, каждый из которых по силе равен семи тысячам воинам, неистребимо бесчисленное войско его» [14, с. 397].

Преодоление пути эпическим богатырем

Эпические гиперболы характерны в передаче скорости передвижения героя. Б. Н. Путилов считает это закономерным явлением, поскольку преодоление пространства «прямо входит в ряд действий и поступков, которые выделяют героя из обыденного окружения и характеризуют его именно как героя» [17, с. 43]. Приведенные примеры описывают быстроту и стремительность действий героя-богатыря в пространстве и во времени:

*Нарт оһтһун нааһур гүүлгэд,
Намч модни деегүр өсргэд,*

*Үүлтэ оһтһун дораһур гүүлгэд,
Үзүртэ модни деегүр өсргэд...* [12, с. 185].

Жилэ һазриг сард товчлн гүүлгэд,

Сара һазриг өдрт товчлн гүүлгэд,

Өдрэ һазриг цагт товчлн гүүлгэд,

*Ажс уга арвн тавн хонг гүүлгэд,
Хөөт сарин нүр үзн гүүлгэд...* [12, с. 291].

Вровень с солнечным небом мчался,
Поверх деревьев с пышными кронами
скакал,
Под облачным небом мчался,
Поверх верхушек деревьев скакал...
[пер. наш].

Годовое расстояние за месяц преодолел,
мчался,
Месячное расстояние за день преодолел,
мчался,
Дневное расстояние за час преодолел,
мчался,
Безостановочно пятнадцать дней мчался,
Грядущего месяца лик видя, мчался...
[пер. наш].

Вещественный и предметный мир эпоса

К сфере эстетики огромных размеров и величин в эпосе относятся не только герои и их подвиги, но и весь вещественный и предметный мир, изображаемый в контексте героической жизни. «Концепция героического служила тем основным критерием, в соответствии с которым осуществлялся по большей части неосознанный отбор фактов реальной жизни, отражаемых в эпическом мире: событий, персонажей, деталей быта, вещных атрибутов, которые становились частью эпического мира, заполняли его пространство» [15, с. 82]. Так, богатырская *плоть* изготовлена из шкур семидесяти и восьмидесяти буйволов; особым способом изготовлен *стальной меч*, с рукоятью из трехста бычьих рогов, пропитанных, прежде, в течение трех лет, в моче

трехста змей; *красные сапоги*, что не изнаются в течение десяти тысяч лет, и *штаны*, что не изнаются и тысячу лет; *черное седло* размером с широкую безлюдную степь.

Заключение

Таким образом, сквозь призму героической гиперболизации в синьцзян-ойратском «Джангаре» передаются основные образы эпического мира – кочевой державы Бумбы, ее владетельного хана Джангара, Бумбайского дворца, богатырей и их антагонистов, поединков и сражений, предметов и атрибутов. В правителе Джангаре эпос рисует опозитизированный народом эпический образ выдающегося хана эпохи ойратского могущества, которому удалось объединить многочисленные народы, создать сильное кочевое государство, способное вести успешные войны. В характеристике эпических героев-богатырей гипербола становится одним из основных средств героической идеализации. Монументальные образы правителя Джангара и воинов-богатырей, наделенные сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, в идеализированной форме олицетворяют человека героического, воинского века. Гиперболы в описании богатырского поединка придают особую экспрессию основному моменту эпического повествования. Типологическим характером отмечены эпические гиперболы в мотиве преодоления пути героем – передаче скорости передвижения героя, в описывании быстроты и стремительности действий героя-богатыря в пространстве и во времени.

Литература

1. Гусев В. Е. Эстетика фольклора. – Ленинград : Ленинградское отделение издательства «Наука», 1967. – 320 с.
2. Лосев А. Ф. Гомер. – 2-е изд., испр. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 400 с.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 304 с.
4. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : [в 13 т.]. Т. 5 / Ред. колл. Н. Ф. Бельчиков и др. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – 863 с.
5. Poppe N. Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag). – 1962. – Bd. 112. – S. 106-158. (На немецком яз.).
6. Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар» : проблемы типологии национальных версий. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1990. – 155 с.
7. Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар». – Элиста : АПП «Джангар», 2003. – 240 с.
8. Алиева Ф. А. Гипербола как средство создания образа в эпических жанрах фольклора народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. – 2014. – № 52. – С. 130-135.
9. Борисов Ю. П. О некоторых художественно-изобразительных средствах языка якутского олонхо // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 12 [Электронный ресурс]. URL : <http://human.snauka.ru/2015/12/13610> (дата обращения : 16.09.2020).
10. Корякина А. Ф. Сравнительный анализ образной системы якутского и бурятского эпоса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 96-103.
11. Юлдыбаева Г. В. Особенности поэтики башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 3 (11). – С. 1535-1538.
12. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов : в 3 т. Т. 2. – Элиста : АПП «Джангар», 2006. – 831 с.
13. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – Москва : Индрик, 2019. – 592 с.
14. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов : в 3 т. Т. 1. – Элиста : АПП «Джангар», 2005. – 856 с.
15. Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. – Москва : Мысль, 1987. – 203 с.
16. Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Фольклор Запада и Востока : Сравнительно-исторические очерки. – Москва : ОГИ, 2004. – С. 105-168.
17. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. – 288 с.
18. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – 2-е изд., испр. – Москва : Восточная лит-ра, 2004. – 462 с.

19. Тамарченко Н. Д. Эпика // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры. – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 219-244.

References

1. Gusev V. E. *Estetika fol'klora* [Aesthetics of folklore]. Leningrad, Leningradskoe otделение izdatel'stva "Nauka", 1967, 320 p. (In Russ.).
2. Losev A. F. *Gomer* [Homer]. 2-e izd., ispr. Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 400 p. (In Russ.).
3. Bakhtin M. M. *Epos i roman* [Epic and novel]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000, 304 p. (In Russ.).
4. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. T. 5* [Complete Works: in 13 vol. Vol. 5]. Red. koll. N. F. Bel'chikov i dr. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1954, 863 p. (In Russ.).
5. Poppe N. *Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen* [On hyperbole in the epic poetry of the Mongols]. In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* [Journal of the German Oriental society] (ZDMG. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag). 1962, Bd. 112, pp. 106-158. (In German).
6. Bitkeev N. Ts. *Kalmytskii geroicheskii epos "Dzhangar": problemy tipologii natsional'nykh versii* [Kalmyk heroic epic "Jangar": problems of typology of national versions]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1990, 155 p. (In Russ.).
7. Pyurveeva N. B. *Poetika geroicheskogo eposa "Dzhangar"* [Poetics of the heroic epic "Jangar"]. Elista, APP "Dzhangar", 2003, 240 p. (In Russ.).
8. Alieva F. A. *Giperbola kak sredstvo sozdaniya obraza v epicheskikh zhanakh fol'klora narodov Dagestana* [Hyperbole as a means of creating an image in the epic genres of folklore of the peoples of Dagestan]. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan scientific center]. 2014, No. 52, pp. 130-135. (In Russ.).
9. Borisov Yu. P. *O nekotorykh khudozhestvenno-izobrazitel'nykh sredstvakh yazyka yakutskogo olonkho* [About some artistic and visual means of the Yakut olonkho language]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities research]. 2015, No. 12 [Web resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13610> (accessed September 16, 2020). (In Russ.).
10. Koryakina A. F. *Sravnitel'nyi analiz obraznoi sistemy yakutskogo i buryatskogo eposa* [Comparative analysis of the image system of the Yakut and Buryat epics]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. 2015, vol. 12, No. 2, pp. 96-103. (In Russ.).
11. Yuldybaeva G. V. *Osobennosti poetiki bashkirskogo narodnogo eposa "Ural-Batyr"* [Features of the poetics of the Bashkir folk epic "Ural-Batyr"]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2012, vol. 17, No. 3 (11), pp. 1535-1538. (In Russ.).
12. *Dzhangar. Geroicheskii epos sin'izyanskikh oirat-mongolov: v 3 t. T. 2* [Jangar. Heroic epic of Xinjiang Oirat Mongols: in 3 vol. Vol. 2]. Elista, APP "Dzhangar", 2006, 831 p. (In Russ.).
13. Neklyudov S. Yu. *Fol'klornykh landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi* [The folk landscape of Mongolia. The book and oral epic]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russ.).
14. *Dzhangar. Geroicheskii epos sin'izyanskikh oirat-mongolov: v 3 t. T. 1* [Jangar. Heroic epic of Xinjiang Oirat Mongols: in 3 vol. Vol. 1]. Elista, APP "Dzhangar", 2005, 856 p. (In Russ.).
15. Mel'nikova E. A. *Mech i lira. Anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [Sword and lyre. Anglo-Saxon Society in History and Epic]. Moscow, Mysl', 1987, 203 p. (In Russ.).
16. Zhirmunskii V. M. *Literaturnye otnosheniya Vostoka i Zapada i razvitie eposa* [Literary relations of the East and the West and the development of the epic]. In: *Fol'klor Zapada i Vostoka: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folklore of the West and the East: Comparative historical essays]. Moscow, OGI, 2004, pp. 105-168. (In Russ.).
17. Putilov B. N. *Ekspursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo eposa* [Excursions to the theory and history of the Slavic epic]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 288 p. (In Russ.).
18. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. 2-e izd., ispr. Moscow, Vostochnaya lit-ra, 2004, 462 p. (In Russ.).
19. Tamarchenko N. D. *Epika* [Epica]. In: *Teoriya literatury. T. 3. Rody i zhanry* [Theory of Literature. Vol. 3. Childbirth and genres]. Moscow, IMLI RAN, 2003, pp. 219-244. (In Russ.).